

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "НАБИД АБДУЛЛАЕВ против РОССИИ"

(жалоба № 8474/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 октября 2015 г.

вступило в силу 14 марта 2016 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может подлежать редакторской правке.

По делу "Набид Абдуллаев против России",
Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая
Палатой в составе:

Андраш Шайо, *Председатель*,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Линос-Александр Сисилианос,
Эрик Мос,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя закрытое заседание 22 сентября 2015 г.,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ 8474/14), поданной в Суд против Российской Федерации 27 января 2014 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – "Конвенция") гражданином Кыргызстана Абдуллаевым Набидом Мамаджановичем (далее – "заявитель").

2. Интересы заявителя представляла Э. Давидян, адвокат, практикующая в Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — "Власти") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его экстрадиция в Республику Кыргызстан подвергнет его угрозе жестокого обращения, и что судебный пересмотр его содержания под стражей в ожидании экстрадиции не был безотлагательным и эффективным.

4. 28 января 2014 года исполняющий обязанности Председателя Первой секции решил применить в деле заявителя правило 39 Регламента Суда, указав властям, что заявитель не должен быть выдан или иным образом принудительно выслан из России в Кыргызстан или другую страну в течение разбирательства в Суде, а также правило 41 Регламента Суда и рассмотреть жалобу в приоритетном порядке.

5. 15 мая 2014 года жалоба была коммуницирована властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, 1961 года рождения, живет в городе Артем Приморского края.

А. История заявителя до начала уголовного преследования

7. Заявитель, по национальности узбек, является гражданином Кыргызстана. Изначально он проживал в городе Оше в Кыргызстане.

8. В июне 2010 года когда начались массовые беспорядки и межэтнические столкновения, заявитель являлся начальником местного совета муниципального органа власти района, в котором преимущественно проживали этнические узбеки. По его словам, он считался лидером местного узбекского сообщества.

9. После столкновений заявителя неоднократно вызвали в кыргызские следственные органы для допроса в качестве свидетеля.

10. В июне 2011 года заявитель узнал о том, что в его отношении было возбуждено уголовное дело (см. пункт 12 ниже). Заявитель утверждает, что сотрудники правоохранительных органов начали вымогать у него деньги, угрожая ему тюремным заключением. Из-за этого он переехал в другой город Кыргызстана, в дом своей сестры, где он оставался в течение нескольких месяцев.

11. Позже, в марте 2012 года заявитель уехал в Россию. Он поселился в Приморском крае и после получения разрешения на работу начал работать спортивным тренером.

Б. Уголовное производство в отношении заявителя в Кыргызстане и последующая процедура экстрадиции в России

12. 16 июня 2011 года власти Кыргызстана предъявили заявителю обвинение в совершении насильственных преступлений в июне 2010 года (покушение на убийство, участие в массовых беспорядках и незаконный оборот оружия). Судя по всему, когда власти в итоге попытались исполнить постановление об аресте, заявитель покинул страну (см. пункты 10 и 11 выше). Таким образом, заявитель был объявлен в международный розыск.

13. 14 марта 2013 года заявитель был задержан в России и помещен под стражу в ожидании экстрадиции.

14. 5 апреля 2013 года кыргызские власти подали в Генеральную прокуратуру России запрос о выдаче заявителя Кыргызстану для уголовного преследования и суда.

15. 16 сентября 2013 г. Генеральный прокурор Российской Федерации удовлетворил запрос и вынес решение о выдаче заявителя.

16. Заявитель обжаловал это решение, утверждая, что ввиду его этнического происхождения это решение подвергнет его серьезной угрозе пыток. В поддержку своей жалобы заявитель среди прочего ссыался на различные источники ООН, доклады НПО и постановление Суда от 16 октября 2012 г. по делу "Махмуджан Эргашев против России" (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), жалоба № 49747/11.

17. 1 ноября 2013 года Приморский краевой суд отклонил жалобу заявителя на решение о выдаче, объяснив свой отказ следующим образом:

"[Власти Кыргызстана] предъявили [заявителю] обвинения в совершении преступлений, наказуемых в России ... Срок давности для привлечения к уголовной ответственности еще не истек ...

Согласно пункту 1 части 1 статьи 464 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, запрос на выдачу, поданный иностранным государством в отношении гражданина Российской Федерации, подлежит отклонению ...

Из заключения Федеральной миграционной службы по Приморскому краю следует, что [заявитель] не является гражданином России. ... Он имеет паспорт гражданина Кыргызстан ... и является гражданином этого государства. ...

28 июня 2013 года ФМС по Приморскому краю отклонила ходатайство [заявителя] о предоставлении статуса беженца в России.

Утверждения [заявителя] о его преследовании кыргызскими органами власти по ложным обвинениям на основании его [узбекского] этнического происхождения были рассмотрены [в рамках процедуры предоставления статуса беженца].

Законность отказа [в предоставлении заявителю статуса беженца в России] была подтверждена ФМС России 24 сентября 2013 года ...

Довод [заявителя] о том, что постановление о выдаче было вынесено до судебного пересмотра отказа в предоставлении ему статуса беженца, является безосновательным.

Из материалов, собранных в ходе проверки в рамках процедуры экстрадиции, следует, что [заявитель] прибыл в Россию ... с целью работы, и что он не в Кыргызстане он не подвергался преследованию по расовым, национальным или религиозным основаниям ...

Также из материалов, собранных в ходе проверки в рамках процедуры экстрадиции, очевидно, что [заявитель] обратился с просьбой о предоставлении статуса беженца 16 апреля 2013 года, находясь под стражей после его ареста в России ... , [таким образом], его жалоба на решение ФМС не мешала Генеральной прокуратуре принять решение о выдаче в соответствии с

постановлением № 11 Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2012 года ...

[Заявитель] не обладает иммунитетом от уголовного преследования, [и] оснований, препятствующих его выдаче, не имеется.

Генеральная прокуратура Республики Кыргызстан предоставила заверения в том, что [в случае выдачи] [заявителю] будет предоставлена [бесплатная юридическая помощь]; что он не будет выдан третьему государству; что он будет привлечен к ответственности только за те преступления, за которые он был выдан; что [он] не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; что он преследуется в уголовном порядке за совершение обыкновенного преступления не политического характера и не по причине дискриминации по какому-либо признаку; что он сможет беспрепятственно покинуть Кыргызстан после суда и отбытия срока наказания; и что российские дипломаты будут иметь возможность доступа к нему.

Из указанных выше гарантий очевидно, что [заявитель] преследуется за совершение обыкновенных преступлений; его уголовное преследование не является политически мотивированным и не связано с его [этническим происхождением].

Утверждения [заявителя] относительно его преследования по политическим мотивам, об отсутствии справедливого судебного разбирательства в Кыргызстане и о преследовании членов его семьи правоохранными органами Кыргызстана, не подтверждаются объективными данными.

Суд установил, что жена и дочь [заявителя] проживают в Кыргызстане, [что не имеется] подтвержденной информации об их предполагаемом преследовании властями Кыргызстана, [и] что они не выезжают за пределы территории Республики Кыргызстан. [Сам заявитель] не обращался с просьбой о предоставлении статуса беженца до его ареста.

... У Министерства иностранных дел нет информации, которая препятствовала бы выдаче [заявителя] Кыргызстану.

Таким образом, не имеется оснований ... препятствующих выдаче [заявителя] Кыргызстану для уголовного преследования.

Аргумент адвоката [заявителя], в котором он ссылается на международные источники (доклад Специального докладчика ООН по вопросу пыток, доклад Верховного комиссара ООН по правам человека о технической помощи и сотрудничеству в области прав человека в Кыргызстане, доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации ООН, доклад Международной кризисной группы по Кыргызстану), согласно которым после межэтнических столкновений на юге Кыргызстана в июне 2010 года правоохранные органы подвергали этнических узбеков пыткам, и существуют основания полагать, что [заявитель] может быть подвергнут пыткам в случае экстрадиции, является необоснованным. Упомянутые выше международные документы, в которых описывается общая ситуация с соблюдением прав человека в Кыргызстане, не приводятся конкретных и подтвержденных доказательствами данных, они противоречат гарантиям, предоставленным Республикой Кыргызстан, которые относятся непосредственно к заявителю и являются достаточными для исключения риска бесчеловечного обращения с [заявителем].

[Что касается] ссылки стороны защиты на ... постановление Европейского суда по правам человека по делу Махмуджана Эргашева, то это [дело] не имеет связи с делом [заявителя] и не может быть принято во внимание.

..."

18. Заявитель подал жалобу в Верховный Суд Российской Федерации.

19. Тем временем, 28 января 2014 года Суд в соответствии с правилом 39 Регламента Суда и указал властям, что заявителя не следует выдавать или каким-либо иным образом принудительно отправлять из России в Кыргызстан или другую страну в течение разбирательства в Суде.

20. 30 января 2014 года Верховный Суд оставил постановление от 1 ноября 2013 года без изменений по апелляции, поддержав выводы суда первой инстанции:

"Суд принимает во внимание аргументы стороны защиты и представленные ею документы, в том числе - Заключительные замечания по второму периодическому докладу Кыргызстана, принятые Комитетом против пыток ООН [в декабре 2013 года], в которых Комитет выражает озабоченность и серьезную обеспокоенность по вопросам безнаказанности широко распространенных актов пыток и жестокого обращения, остающихся нерасследованными властями Кыргызской Республики ... а также обеспокоенность сообщениями о том, что расследования, преследования, осуждения и наказания, назначенные в связи с событиями июня 2010 г., были преимущественно направлены против лиц узбекского происхождения.

Вместе с тем, данное обстоятельство, само по себе не может быть признано достаточным для отказа в экстрадиции [заявителя] в Кыргызскую Республику ...

Согласно статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года, ни одно государство - участник не должно высылать, возвращать или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

...

Положения статьи 3 Конвенции против пыток, означают необходимость проверки не только фактов наличия или отсутствия в данном государстве грубых и массовых нарушений прав человека, но подразумевают определение наличия или отсутствия в таком государстве риска применения пыток. При этом такая угроза должна быть реальной, фактической и прогнозируемой.

Согласно правовым позициям Комитета против пыток ООН, изложенным в ряде его решений ... существование в какой-либо стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы установить, что данному

лицу угрожает применение пыток после его возвращения в эту страну. Для определения наличия личной угрозы данному лицу должны существовать дополнительные основания ...

Комитет ... отмечал, что необходимо оценивать наличие серьезных оснований полагать, что заявителю может угрожать применение пыток в случае его высылки в соответствующую страну, и при этом подобный риск должен выходить за рамки теории или подозрения. При оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, но такая опасность должна угрожать заявителю лично и быть реальной. В этой связи, Комитет в своих решениях отметил, что угроза применения пыток должна быть прогнозируемой, предсказуемой, реальной и личной.

Материалы, представленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, на основе которых принято решение об экстрадиции [заявителя], не содержат сведений, свидетельствующих о наличии риска лично для [заявителя], в случае его экстрадиции, быть подвергнутым пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

[Длинный абзац, посвященный гарантиям, предоставленным кыргызскими властями].

[Заявитель] и его защитники не представили суду никаких существенных доказательств того, что властями Кыргызской Республики к нему могут быть применены пытки, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также что он может подвергнуться преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям.

... [Заявитель] не принадлежит к какой-либо политической или иной партии, организации или группировке, находящихся в оппозиции к [существующей в Кыргызстане власти].

Проживая в Кыргызстане, [заявитель] не подвергался пыткам или иному бесчеловечному обращению со стороны должностных лиц органов власти; на территорию Российской Федерации он прибыл в марте 2012 г., то есть спустя 1 год и 9 месяцев после инкриминированных ему событий, произошедших в июне 2010 г. При этом в Кыргызской Республике остались проживать его жена и дочь.

[Таким образом] доказательств того, что [заявитель] или его родственники преследуются [кыргызскими] властями суду не представлено.

Само по себе утверждение [заявителя] о том, что он является "лидером узбекской диаспоры" и относится к этническим узбекам, в связи с чем опасается быть подвергнутым репрессивному уголовному преследованию и несправедливому правосудию в своей стране - является его предположением, которое ничем не подтверждено. Поэтому оно не может быть признано достаточным основанием для вывода о том, что в Кыргызстане для него лично существует реальная угроза быть подвергнутым пыткам или иному бесчеловечному обращению, в случае его выдачи.

..."

В. Содержание заявителя под стражей

21. 16 марта 2013 года Артемовский городской суд Приморского края вынес постановление о содержании заявителя под стражей с целью экстрадиции до 23 апреля 2013 года.

22. 22 апреля 2013 года тот же суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 сентября 2013 г. В тот же день адвокат заявителя обжаловал это постановление. 12 июля 2013 г. Приморский краевой суд оставил постановление о продлении срока содержания под стражей без изменений.

23. 13 сентября 2013 года Ленинский районный суд г. Владивостока продлил срок содержания заявителя под стражей до 13 марта 2014 года. 19 сентября 2013 адвокат заявителя обжаловал это постановление. Апелляция была отправлена по почте 20 сентября 2013 года. В Ленинский районный суд она поступила 21 октября 2013 года. 23 октября 2013 года копия апелляции была направлена заявителю и в местную прокуратуру, которой предложили представить свои комментарии к 28 октября 2013 года. 31 октября 2013 года Ленинский районный суд направил материалы дела в Приморский краевой суд для рассмотрения. 6 ноября 2013 года слушание дела по апелляции было назначено на 7 ноября 2013 года, о чем стороны были уведомлены. 7 ноября 2013 года Приморский краевой суд оставил постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 сентября 2013 года без изменений.

24. 7 марта 2014 года заместитель прокурора Приморского края решил освободить заявителя ввиду решения Суда о применении правила 39 Регламента Суда к настоящему делу. Заявитель был освобожден в тот же день.

Г. Производство по вопросу о предоставлении статуса беженца

25. 16 апреля 2013 года заявитель подал в ФМС России заявление о предоставлении ему статуса беженца. При этом он утверждал, что подвергся преследованию по причине его этнического происхождения.

26. 28 июня 2013 года ФМС Приморского края отклонила заявление, установив, что заявитель покинул свою страну по причинам, не предусмотренным статьей 1(часть 1, пункт 1) Закона о беженцах.

27. 24 сентября 2013 года ФМС России подтвердила отказ от 28 июня 2013 года.

28. Заявитель обжаловал это решение в Басманный районный суд г. Москвы. В своей жалобе он ссылаясь на сообщения о широко распространенном жестоком обращении с заключенными узбекского происхождения в Кыргызстане, что подтверждается различными

источниками ООН, докладами НПО и постановлением Суда по делу Махмуджана Эргашева.

29. 22 января 2014 года Басманный районный суд г. Москвы отклонил жалобу заявителя на решения ФМС. Районный суд счел, что заявитель не обосновал свои опасения относительно преследования в Кыргызстане, и что его утверждения о том, что предъявленные ему уголовные обвинения были незаконными, выходят за рамки производства по вопросу о предоставлении статуса беженца. Районный суд отметил, что заявление о предоставлении статуса беженца не содержало указаний о том, что он ранее обвинялся или был осужден за совершение уголовного преступления или что он является членом какой-либо политической, религиозной или военной организации. Он также учел тот факт, что заявитель не подавал прошение о предоставлении статуса беженца до тех пор, пока он не был помещен под стражу.

30. В своей жалобе на постановление от 22 января 2014 года заявитель потребовал тщательного изучения его аргументов относительно угрозы жестокого обращения. Он вновь ссылаясь на различные доклады международных организаций и авторитетных НПО в поддержку своей позиции.

31. 20 мая 2014 года Московский городской суд оставил это решение без изменений, повторив выводы миграционных органов и суда первой инстанции.

Д. Производство по вопросу о предоставлении временного убежища

32. 25 апреля 2014 года ФМС Приморского края вынесла решение о предоставлении заявителю временного убежища в Российской Федерации до 25 апреля 2015 года, сославшись на существование обстоятельств, препятствующих экстрадиции заявителя, а именно применение правила 39 Регламента Суда по делу заявителя в Суде, и на невозможность предсказать длительность этих разбирательств.

33. 10 апреля 2015 года ФМС Приморского края продлила срок предоставления временного убежища до 25 апреля 2016 года со ссылкой на те же основания.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Ходатайства об изменении мер пресечения

34. Статьей 110 УПК РФ предусматривается, что мера пресечения (например, заключение под стражу) может быть (i) отменена, если в ней отпадает необходимость, либо (ii) изменена на более строгую или более мягкую, если изменяются основания для избрания такой меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 УПК РФ.

35. В статье 97 перечисляются основания для избрания меры пресечения по внутригосударственным уголовным делам: это достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый в совершении преступления (i) скроется от следствия или суда, (ii) продолжит заниматься преступной деятельностью или (iii) будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожит или фальсифицирует доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу. Статьей 97 УПК РФ также предусматривается, что мера пресечения может избираться и в делах о выдаче.

36. В статье 99 УПК РФ приводится неисчерпывающий перечень обстоятельств, которые следует учитывать при избрании меры пресечения, например, тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, его возраст, состояние здоровья и род занятий.

37. В статье 119 УПК РФ приводится перечень лиц, имеющих право заявлять ходатайства в ходе уголовного судопроизводства, это, например, подозреваемые, подсудимые, адвокаты, потерпевшие, обвинители, эксперты, гражданские истцы и другие лица, чьи интересы были затронуты на досудебном или судебном этапе. Такие ходатайства могут заявляться дознавателю, следователю или судье.

38. Статья 120 УПК предусматривает, что ходатайства могут заявляться на любом этапе уголовного судопроизводства.

39. Статья 121 УПК предусматривает, что ходатайства, заявляемые в ходе уголовного производства, подлежат рассмотрению и разрешению непосредственно после их заявления. В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления.

40. Статья 122 УПК предусматривает, что об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, судья выносят постановление, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство. Решение может быть обжаловано в порядке, предусмотренном Главой 16 УПК.

41. Глава 16 ("Обжалование в суд действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство") закрепляет возможность обжалования в суд действий (бездействия) и решений следователя или прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (часть первая статьи 125). Рассмотрение этих жалоб находится в компетенции суда по месту производства предварительного расследования (там же). По результатам рассмотрения жалобы судья выносит постановление о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (часть 5 статьи 125).

Б. Другие применимые правовые нормы

42. Краткое изложение применимого национального законодательства и судебной практики см. в постановлении Суда от 2 октября 2012 г. по делу "Абдулхаков против России" (*Abdulkhakov v. Russia*), жалоба № 14743/11, пункты 71-98.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

43. Соответствующие доклады и информация приводятся в постановлениях Суда по делам "Махмуджан Эргашев против России" (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*) (упоминаемое выше, пункты 30-46) и "Мамадалиев против России" (*Mamadaliyev v. Russia*) (жалоба № 5614/13, пункты 37-42, 24 июля 2014 г.).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

44. Заявитель жаловался на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежит к узбекскому этническому меньшинству. Он ссылаясь на различные источники, в том числе на публикации Комитета ООН против пыток и правозащитных организаций "Международная амнистия" и "Хьюман Райтс Вотч". Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

А. Приемлемость

45. Власти утверждали, что предоставление заявителю временного убежища может рассматриваться как основание для признания жалобы, поданной на основании статьи 3 Конвенции, неприемлемой. В этой связи они ссылались на решение о неприемлемости жалобы по делу "Тухтамуров против России", жалоба № 21762/14, 20 января 2015 г.

46. Заявитель утверждал, что единственной причиной предоставления ему временного убежища послужило применение правила 39 Регламента Суда после подачи настоящей жалобы в Суд. Это является общей административной практикой, единственной целью которой является обеспечение нахождения заявителя в России на период рассмотрения его дела в Суде. Таким образом, решения о предоставлении временного убежища не повлияли ни на его статус, ни на вероятность его экстрадиции в Кыргызстан, если срок предоставления временного убежища не будет продлен; таким образом для него существует угроза пыток. Заявитель подчеркнул, что в отличие от дела Тухтамурова, в котором национальные суды отменили постановление о выдаче заявителя, в настоящем деле национальные суды оставили постановление о выдаче без изменений, и, следовательно, для заявителя осталась неминуемая угроза в случае экстрадиции в Кыргызстан.

47. Относительно утверждения властей, согласно которым заявитель, судя по всему, утратил статус жертвы, Суд напоминает, что лицо не может утверждать, что оно является жертвой нарушения Конвенции, если национальные органы власти прямо или косвенно признали нарушение Конвенции и предложили возмещение (см. среди многих других примеров решение Суда от 11 марта 2004 года по делу "Ачур против Франции" (*Achour v. France*), жалоба № 67335/01, в котором власти отменили постановление о высылке заявителя, и постановление Суда от 25 июня 1996 г. по делу "Амур против Франции" (*Amuur v. France*), пункт 36, Сборник постановлений и решений 1996-III).

48. Что касается особой категории дел, касающихся выдворения, Суд неоднократно устанавливал, что заявитель не может утверждать, что он является "жертвой" меры, которая не была исполнена. Аналогичную позицию Суд занял и в делах, в которых исполнение постановления о депортации или экстрадиции было приостановлено на неопределенный срок или оно было иным образом лишено законного действия, и в которых решение властей продолжить депортацию

можно обжаловать в соответствующие суды (см. постановление Суда от 29 июля 2010 года по делу "Каримов против России" (*Karimov v. Russia*), жалоба № 54219/08, пункт 89, с дальнейшими ссылками).

49. Настоящая жалоба касается экстрадиции заявителя в Кыргызстан, где, по его словам, он столкнется в угрозой жестокого обращения со стороны властей по причине его этнического происхождения. Во-первых, Суд отмечает, что решение о выдаче заявителя вступило в силу 30 января 2014 года (см. пункт 20 выше), а во-вторых, что решения о предоставлении заявителю временного убежища были приняты российскими органами власти в апреле 2014 года и в апреле 2015 года лишь в результате применения правила 39 Регламента Суда в деле заявителя и невозможности предсказать длительность этих разбирательств (см. пункты 32-33 выше). Очевидно, что тот факт, что заявителю было предоставлено временное убежище не является прямым или косвенным признанием российских властей, что было или могло быть допущено нарушение статьи 3, или что постановление о выдаче заявителя было лишено законной силы.

50. При таких обстоятельствах Суд считает, что заявитель может утверждать, что он является "жертвой" в целях статьи 34 Конвенции (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу "Каримов против России", пункты 86-91; постановлением Суда от 16 октября 2012 года по делу "Ниязов против России" (*Niyazov v. Russia*), жалоба № 27843/11, пункты 104-107; упоминаемым выше постановлением по делу "Тухтамуродов против России", пункты 37-39; и с постановлением Суда от 16 апреля 2015 года по делу "Хамракулов против России" (*Khamrakulov v. Russia*), жалоба № 68894/13, пункт 61).

51. Суд также отмечает, что жалоба заявителя не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Власти

52. Власти утверждали, что утверждения заявителя об угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, были тщательно изучены внутригосударственными судами в рамках разбирательств по вопросу об экстрадиции заявителя и по вопросу о предоставлении статуса беженца. Внутригосударственные суды справедливо отклонили ссылки представителя заявителя на различные доклады, описывающие общую ситуацию относительно якобы жестокого обращения с этническими узбеками в Кыргызстане, как слишком

общие и недостаточные для препятствования экстрадиции заявителя. Власти выразили свое твердое убеждение в том, что любая угроза жестокого обращения, которая может возникнуть на фоне общей ситуации в Кыргызстане, была полностью исключена в обстоятельствах настоящего дела, поскольку выдача заявителя была запрошена по официальным каналам с предоставлением необходимых гарантий. Они также утверждали, что маловероятно, что власти Кыргызстана, которые в 2014 года продемонстрировали свою открытость и обязались сотрудничать с международными организациями в борьбе с жестоким обращением и дискриминацией этнических узбеков, нарушат эти гарантии. Власти также заверили, что до сих пор в рамках сотрудничества между Кыргызстаном и Россией не было зафиксировано ни одного случая нарушения кыргызскими властями гарантий, предоставленных в отношении выданных узбеков.

53. Власти отметили, что Генеральная прокуратура Республики Кыргызстан обязалась обеспечить доступ российских дипломатических представителей к заявителю в случае его выдачи. Они также с сожалением отметили, что, запрещая экстрадицию в аналогичных делах, Суд не дает российским властям возможности продемонстрировать эффективность такого "дипломатического надзора" на практике. В то же время, в рамках указанного выше механизма, Министерство иностранных дел РФ и Генеральная прокуратура Кыргызстана предоставили Генеральной прокуратуре РФ информацию о судьбе нескольких этнических узбеков, которые ранее были выданы Кыргызстану с целью уголовного преследования. Эта информация доказывает, что власти Кыргызстана соблюдают свои заверения не подвергать лиц пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, тем самым демонстрируя непредвзятое отношение (а в некоторых случаях даже определенную лояльность) кыргызской системы правосудия к этой категории лиц. Власти привели примеры трех лиц узбекского происхождения, одному из которых было назначено наказание, отсроченное исполнением, второй был освобожден условно-досрочно, а уголовное дело в отношении третьего было прекращено. Власти также сообщили Суду о том, что 30-31 июля, 21 ноября 2014 года и 24 февраля 2015 года дипломаты из Генерального консульства РФ в г. Оше и из Посольства РФ в Кыргызстане посетили шестерых лиц, не являющихся киргизами по происхождению (двое из них являются этническими узбеками, обвиняемыми в совершении особо тяжких преступлений, включая убийство при отягчающих обстоятельствах, и один из которых был оправдан по обвинению в участии в массовых беспорядках), которые были выданы Кыргызстану ранее. Они были удовлетворены условиями их содержания под стражей и отрицали, что они подвергались какой-либо форме жестокого обращения в ходе

предварительного следствия. Правоохранительные органы Кыргызстана не зафиксировали нарушений их процессуальных прав, в том числе права на защиту.

54. Возвращаясь к ситуации заявителя, власти отметили, что после событий 2010 года в Кыргызстане заявитель неоднократно вызвался в следственные органы Кыргызстана для допроса в качестве свидетеля. В июне 2011 года заявитель узнал о том, что его отношении было возбуждено уголовное дело, и уехал в другой город Кыргызстана, в дом своей сестры, где он оставался в течение семи месяцев. Позже, в марте 2012 года заявитель уехал в Россию. В качестве цели поездки он указал трудоустройство. Заявитель не просил предоставить ему статус беженца или временное убежище до его отъезда из Кыргызстана или по прибытии в Россию. Прощение о предоставлении статуса беженца было подано лишь в апреле 2013 года. Заявитель не подвергался жесткому обращению или дискриминации по этническому признаку кыргызскими властями до возбуждения в его отношении уголовного дела. Его заявления о вымогательстве в ходе уголовного производства не подтверждаются доказательствами. Кроме того, жена заявителя и одна из его дочерей все еще проживают в Кыргызстане, и не имеется свидетельств о том, что они подвергались кыргызскими властями жесткому обращению или дискриминации по этническому признаку.

55. В свете вышеизложенного власти выразили сомнения относительно того, что в случае возврата в Кыргызстан заявитель столкнется с реальной, прямой и предсказуемой угрозой обращения, противоречащего статье 3 Конвенции.

(б) Заявитель

56. Заявитель настаивал на своей жалобе. Ссылаясь на доклады крупных международных организаций, он утверждал, что общая ситуация с соблюдением прав человека в Кыргызстане не улучшилась с момента вынесения Судом постановления по делу Махмуджана Эргашева (упоминается выше), и что серьезная угроза жестокого обращения все еще существует для этнических узбеков, которые, как и он, обвиняются в причастности к событиям, произошедшим в июне 2010 года.

57. Заявитель не согласился с мнением властей относительно тщательности проведенной судами оценки его утверждений об угрозе жестокого обращения в случае его экстрадиции Кыргызстан. В этом отношении он отметил, что в решении Московского городского суда от 20 мая 2014 г. даже не упоминаются его аргументы или ссылки на международные доклады.

58. Заявитель также утверждал, что дипломатические заверения, на которые ссылаются власти, не являются достаточной гарантией защиты от угрозы жестокого общения в свете критериев,

установленных в постановлении по делу "Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства" (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*) (жалоба № 8139/09, пункт 189, ECHR 2012 (извлечения)). Он в частности отметил, отсутствие какой-либо долгосрочного взаимодействия между Россией и Кыргызстаном, нацеленного на исполнение таких гарантий, отсутствие какого-либо независимого механизма мониторинга, обеспечивающего эффективную защиту от пыток и жестокого обращения на практике, а также отсутствие эффективной системы защиты от пыток в Кыргызстане.

59. Наконец, заявитель утверждал, что тот факт, что он не подвергался жестокому обращению до отъезда из Кыргызстана, не снижает риск жестокого обращения в случае его возвращения.

2. Оценка суда

(а) Общие принципы

60. Краткое изложение соответствующих общих принципов, выработанных в прецедентной практике Суда см. в постановлении Европейского Суда от 18 сентября 2012 года по делу "Умиров против России" (*Umirov v. Russia*) (жалоба № 17455/11, пункты 92-100).

(б) Применение общих принципов к настоящему делу

61. Суд отмечает, что российские власти приняли решение выдать заявителя Кыргызстану. Но постановление об экстрадиции не было исполнено, так как Суд указал на необходимость принятия промежуточной меры в соответствии с правилом 39 Регламента суда. Следовательно, Суд рассмотрит, существует ли для заявителя угроза обращения, противоречащего статье 3, в случае его экстрадиции в Кыргызстан (оценка угрозы проводится на дату рассмотрения дела Судом), с учетом оценки национальных судов (см. постановление Суда от 17 апреля 2014 года по делу "Гайратбек Салиев против России" (*Gayratbek Saliev v. Russia*), жалоба № 39093/13, пункт 60).

62. Переходя к общей ситуации с соблюдением прав человека в запрашивающем государстве, Суд делает следующие замечания. В предыдущем деле, касающемся экстрадиции в Кыргызстан он установил, что в 2012 году ситуация на юге страны характеризовалась пытками и другими видами жестокого обращения с этническими узбеками со стороны сотрудников правоохранительных органов. Количество таких случаев увеличилось после событий, произошедших в июне 2010 года, оставшись распространенной и угрожающей практикой, усугубляемой безнаказанностью сотрудников правоохранительных органов. Кроме того, Суд установил, что этот вопрос следует рассматривать в контексте роста этнического национализма в политике Кыргызстана, особенно на юге страны,

усиления межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, продолжающейся дискриминационной практики, с которой узбеки сталкиваются на уровне учреждений и недостаточного количества узбеков в правоохранительных и судебных органах (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу "Махмуджан Эргашев против России" (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), пункт 72). Из докладов органов ООН и авторитетных НПО следует, что с 2012 ситуация на юге Кыргызстана не улучшилась. В частности, в различных докладах одинаково описывается предвзятое отношение на основе этнического происхождения при проведении расследований, преследовании, выдвижении обвинений и определении приговоров этническим узбекам, обвиняемым и осужденным в связи с событиями, произошедшими в 2010 году в Джалал-Абадской области. В докладах также говорится о непроведении полноценных и эффективных расследований по многочисленным заявлениям о пытках и жестоком обращении со стороны правоохранительных органов Кыргызстана, произвольный арест и чрезмерное применение силы в отношении узбеков, предположительно причастных к событиям, произошедших в июне 2010 года. Таким образом Суд приходит к заключению о том, что общая ситуация с соблюдением прав человека в Кыргызстане остается весьма проблематичной (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу "Гайратбек Салиев против России", пункт 61; постановление Суда от 17 июля 2014 года по делу "Кадиржанов и Мамашев против России" (*Kadirzhanov and Mamashev v. Russia*), жалобы №№ 42351/13 и 47823/13, пункт 91; и упоминаемое выше постановление Суда по делу "Мамадалиев против России", пункт 60).

63. Далее Суд рассмотрит, имеются ли в деле какие-либо индивидуальные обстоятельства, обосновывающие опасения заявителя относительно жестокого обращения (см. постановление Большой Палаты по делу "Маматкулов и Аскарлов против Турции" (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 73, ECHR 2005-I). В этой связи Суд повторяет, что когда заявитель утверждает, что он или она является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению, Суд считает, что защита статьи 3 Конвенции начинает действовать, когда заявитель устанавливает, в случае необходимости, на основе сведений, содержащихся в соответствующих докладах международных правозащитных или неправительственных организаций, что есть серьезные основания верить в существование такой практики, и свою принадлежность к указанной группе. В указанных обстоятельствах Суд не будет настаивать на том, чтобы заявитель продемонстрировал наличие дополнительных конкретных отличительных обстоятельств (см. постановление Большой Палаты по делу "Саади против Италии" (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, пункт 132, ECHR 2008, и

постановление Суда от 17 июля 2008 г. по делу "Н.А. против Соединенного Королевства" (*NA. v. the United Kingdom*), жалоба № 25904/07, пункт 116).

64. Суд отмечает, что, в отличие от других ранее рассмотренных Судом дел против России, касающихся экстрадиции в Кыргызстан, в настоящем деле внутригосударственные органы власти рассмотрели доводы заявителя, подтверждаемые различными источниками ООН и докладами НПО, относительно существования распространенной практики пыток и иных форм жестокого обращения с узбеками в Кыргызстане, особенно в контексте уголовного преследования за преступления, связанные с событиями, произошедшими в июне 2010 года. Однако они сочли, что эти обстоятельства сами по себе не могут считаться достаточными для отказа в выдаче заявителя Кыргызстану. Ссылаясь на статью 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года и на правовую позицию Комитета ООН против пыток, Верховный Суд РФ подчеркнул, что отказ в выдаче возможен не только в случае установления существования грубых и массовых нарушений прав человека в запрашивающем государстве, но и если устанавливается, что лицо подвергнется персональному риску пыток в случае возвращения в свою страну. При проведении оценки персонального риска жестокого обращения в случае его возвращения в Кыргызстан, Верховный Суд постановил, что заявитель не принадлежит к какой-либо политической или другой партии, организации или группе, оппозиционной к существующему правительству Кыргызстана, что при отъезде из Кыргызстана он не подвергался пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, что он прибыл в Россию спустя много месяцев после того как были совершены преступления в июне 2010 г., в которых он обвинялся, что его жена и дочь остались в Республике Кыргызстан, и что не было представлено никаких доказательств, что он или его родственники стали объектами преследования со стороны властей Кыргызстана. Довод заявителя о том, что его этническое происхождение дает ему основания полагать, что он будет подвергнут репрессивному уголовному преследованию и несправедливому обвинению, был отклонен как необоснованный. Суд также отмечает, что внутригосударственные суды придали особое значение дипломатическим заверениям властей Кыргызстана, которых, по их мнению, достаточно для устранения угрозы того, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в случае его выдачи (см. пункты 17 и 20 выше).

65. Хотя Суд приветствует подход, избранный внутригосударственными судами в настоящем деле, что является важным изменением в рассмотрении подобных дел, он не может

согласиться с их выводом относительно отсутствия достаточных оснований полагать, что заявитель подвергнется прямой угрозе жестокого обращения в случае возвращения в Кыргызстан. Суд в частности отмечает, что заявитель является узбеком по национальности, и что он обвиняется в совершении ряда серьезных преступлений, предположительно совершенных в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. Принимая во внимание, что киргизские власти часто применяют пытки и жестокое обращение для получения признательных показаний от этнических узбеков, обвиняемых в участии в межэтнических беспорядках в Джалал-Абадской области, о чем докладывают органы ООН и авторитетные НПО, Суд убежден в том, что заявитель относится к особо уязвимой группе, члены которой регулярно подвергаются обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, в запрашивающем государстве (см. упоминаемые выше постановления Суда по делам "Гайратбек Салиев против России", пункт 62, и "Кадиржанов и Мамашев против России", пункт 92).

66. Что касается дипломатических заверений, предоставленных властями Кыргызстана, то Суд повторяет, что этих заверений недостаточно, чтобы обеспечить адекватную защиту от угрозы жестокого обращения. Существует обязательство изучить вопрос о том, предоставляют ли заверения, при их практическом применении, достаточные гарантии того, что заявитель будет защищен от риска жестокого обращения. Вес, который следует придавать данным заверениям принимающего государства, зависит в каждом случае от обстоятельств, преобладающих в данное время (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу "Саади против Италии", пункт 148. и постановление по делу "Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства", пункты 187-89).

67. Суд отмечает, что согласно заверениям Генеральной прокуратуры Республики Кыргызстан, заявителю будет предоставлена бесплатная юридическая помощь; что он не будет выдан третьему государству; что он будет привлечен к ответственности только за те преступления, за которые он был выдан; что он не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; что он преследуется в уголовном порядке за совершение обыкновенного преступления не политического характера и не по причине дискриминации по какому-либо признаку; что он сможет беспрепятственно покинуть Кыргызстан после суда и отбытия срока наказания; и что российские дипломаты будут иметь возможность доступа к нему (см. пункт 17 выше).

68. Даже если признать, что эти заверения не были изложены в общих чертах, Суд отмечает, что Кыргызстан не является Государством-участником Конвенции, и власти Кыргызстана не

продемонстрировали наличие эффективной системы правовой защиты от пыток, которая могла бы действовать так же, как и система, наличие которой требуется от Договаривающихся Стран. Хотя эти заверения кажутся формально обязательными для местных органов власти, у Суда есть серьезные сомнения, в связи с неудовлетворительной ситуацией с правами человека на юге страны, что от местных властей можно ожидать их соблюдения на практике (см. упоминаемое выше постановление по делу "Махмуджан Эргашев против России", пункты 35-46). Кроме того, в Суде не было доказано, что обязательство Кыргызстана гарантировать дипломатическим сотрудникам России доступ к заявителю обеспечит эффективную защиту от жестокого обращения на практике. Также не было доказано, что эти дипломатические сотрудники обладают достаточной квалификацией, необходимой для осуществления эффективного контроля над выполнением властями Кыргызстана своих обязательств. Нет и никакой гарантии, что они смогут поговорить с заявителем без свидетелей. Кроме того, их потенциальное участие не поддерживается каким-либо практическим механизмом, устанавливающим процедуру, посредством которой заявитель мог бы подавать им жалобы, или обеспечивающим их неограниченный доступ в места содержания под стражей (см., упоминаемое выше постановление по делу "Мамадалиев против России", пункт 69). Тот факт, что шесть лиц не киргизской национальности, лишь двое из которых являются узбеками, были посещены в Кыргызстане российскими дипломатами после экстрадиции, не может считаться достаточной демонстрацией существования механизма мониторинга в запрашивающем государстве (см. упоминаемое выше постановление по делу "Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства", пункты 189-204).

69. С учетом изложенного выше, Суд не может принять утверждение властей о том, что заверения киргизских властей являются достаточными для исключения угрозы жестокого обращения с заявителем в запрашивающем государстве.

70. С учетом подтвержденного, широко распространенного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения правоохрательными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежит заявитель, безнаказанности сотрудников правоохрательных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающем государстве, Суд считает обоснованным, что заявитель может столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3, в случае возвращения в Кыргызстан.

71. Таким образом, Суд приходит к выводу, что выдача заявителя Кыргызстану приведет к нарушению статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

72. Заявитель жаловался на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу от 22 апреля и 13 сентября 2013 года не были рассмотрены "безотлагательно", а также на отсутствие эффективной процедуры, в соответствии с которой он мог бы оспорить его содержание под стражей после 30 января 2014 года. Он ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

"4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным".

A. Приемлемость

73. Власти утверждали, что жалоба заявителя на чрезмерную длительность разбирательства по его жалобе на постановление о продлении срока содержания под стражей от 22 апреля 2013 года была подана с нарушением шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

74. Суд отмечает, что заявитель подал свои жалобы по пункту 4 статьи 5 Конвенции 4 марта 2014 года. Учитывая требование о соблюдении шестимесячного срока, изложенное в пункте 1 статьи 35, Суд полагает, что в его компетенцию не входит рассмотрение жалобы относительно постановления о продлении срока содержания под стражей от 22 апреля 2013 года, оставленного без изменений 12 июля 2013 года.

75. С другой стороны, в той части, в которой заявитель жаловался на основании пункта 4 статьи 5 на чрезмерную длительность производства по его жалобе на постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 сентября 2013 года, и на то, что он не мог добиться пересмотра содержания под стражей после 30 января 2014 года, Суд считает, что эти жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Других оснований для объявления жалоб неприемлемыми также установлено не было. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

Б. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Скорость пересмотра по апелляции

76. Власти утверждали, что адвокат заявителя подал жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 сентября 2013 года лишь 19 сентября 2013 года. Несмотря на то, что жалоба была отправлена по почте 20 сентября 2013 года, она поступила в Ленинский районный суд г. Владивостока только 21 октября 2013 года, хотя никаких документов, указывающих на причину этой задержки, не имеется. 23 октября 2013 года копия апелляции была направлена заявителю и в местную прокуратуру, которым было предложено представить свои комментарии к 28 октября 2013 года. 31 октября 2013 года Ленинский районный суд направил материалы дела в Приморский краевой суд для рассмотрения. 6 ноября 2013 года было назначено слушание дела по апелляции. Стороны были уведомлены об этом. Апелляция была рассмотрена 7 ноября 2013 года, т.е. через семнадцать дней после ее получения. Учитывая указанные выше обстоятельства, длительность рассмотрения апелляции на постановление о продлении срока содержания под стражей от 13 сентября 2013 года нельзя назвать нарушающей требование "безотлагательности", предусмотренное пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

77. Заявитель утверждал, что власти не представили доказательств о том, что доставка отправленной представителем заявителя апелляции действительно заняла более месяца. Такие задержки являются весьма редким явлением при доставке по почте в пределах одного города. В любом случае, "Почта России" является государственным учреждением и именно внутригосударственные органы власти должны ускорять ее работу так, чтобы не возникало поводов для нарушения прав содержащихся под стражей лиц. Кроме того, власти не дали какого-либо оправдания последующей задержки в семнадцать дней.

(б) Предполагаемая невозможность добиться пересмотра вопроса о содержании под стражей

78. Власти утверждали, что у заявителя была возможность возбудить пересмотр законности его содержания под стражей и подать ходатайство об освобождении после 30 января 2014 года, как того требует пункт 4 статьи 5 Конвенции. Они в частности утверждали, что национальная правовая система предусматривает возможность подачи ходатайства об освобождении лиц, содержащихся под стражей в ожидании экстрадиции, согласно статьям 119-122 УПК РФ. Также власти утверждали, что заявитель мог попросить прокурора

пересмотреть меру в виде содержания под стражей согласно статье 110 УПК РФ после применения Судом обеспечительных мер. Они привели пример применения этого законоположения, сославшись на дело Кадиржанова и Мамашева (упоминаемое выше постановление, пункты 34, 35, 111, 113 и 131), в котором Кадиржанов (который содержался под стражей в ожидании экстрадиции, и в отношении которого Суд применил обеспечительные меры в соответствии с правилом 39 регламента Суда) был освобожден по решению прокурора, принятому по ходатайству его адвоката. Власти также заявили, что, несмотря на то, что Суд применил обеспечительную меру 28 января 2014 года, Верховный Суд не обладал компетенцией для принятия решения об освобождении заявителя во время судебного слушания 30 января 2014 года, поскольку рамки этого слушания были ограничены пересмотром решения Приморского краевого суда от 1 ноября 2013 года, а последнее постановление о продлении срока содержания под стражей было вынесено другим судом.

79. Заявитель утверждал, что интервал между "автоматическими периодическими проверками" законности его содержания под стражей в ожидании экстрадиции был чрезмерно длительным, поскольку он не мог попросить внутригосударственные суды пересмотреть вопрос о содержании под стражей после 30 января 2014 года. Кроме того, он не согласился с утверждением властей о том, что он имел возможность возбудить производство по вопросу о его освобождении согласно статье 110 УПК, поскольку. По его мнению, такое производство должны возбуждать государственные органы по их собственной инициативе. Он также утверждал, что применение процедуры, предусмотренной статьями 119-122 УПК РФ, нельзя считать эффективным средством правовой защиты в его деле, поскольку она применяется только к сторонам уголовного производства, возбужденного в России. Более того, любое решение прокурора, принимаемое в соответствии с этой процедурой, может быть оспорено в суде только на основании статьи 125 УПК РФ, что не позволяет суду приказывать освободить лицо из-под стражи, даже если он признает оспариваемое содержание под стражей незаконным или необоснованным (см. постановление Суда от 5 февраля 2013 г. по делу "Зохидов против России" (*Zokhidov v. Russia*), жалоба № 67286/10, пункт 188).

2. Оценка суда

(а) Сроки пересмотра по апелляции

(i) Общие принципы

80. Суд напоминает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции провозглашает право на безотлагательное судебное решение относительно законности содержания под стражей и его прекращения, если оно признано незаконным (см. постановление по делу "Барановский против Польши" (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, пункт 68, ECHR 2000-III). Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся Государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей. Однако, в тех случаях, когда национальное право предусматривает возможность обжалования, кассационный орган также должен исполнять требования пункта 4 статьи 5 в том, что касается, например, безотлагательности рассмотрения кассационных жалоб. Таким образом, для того, чтобы определить было ли выполнено это требование о "безотлагательном" вынесении решения, необходимо провести общую оценку, если разбирательство проводилось на более чем одном уровне юрисдикции (см. постановление Большой Палаты от 9 июля 2009 г. по делу "Мурен против Германии" (*Mooren v. Germany*), жалоба № 11364/03, пункт 106). В то же время стандарты "безотлагательности" менее строгие, когда речь идет о разбирательстве в апелляционном суде (см. постановление Суда от 25 октября 2007 г. по делу "Лебедев против России" (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункт 96).

81. Хотя количество дней, потраченных на осуществление соответствующих процедур, безусловно, важный элемент, сам по себе он не является решающим в вопросе о том, было ли постановление вынесено с требуемой безотлагательностью (см. решение Суда от 20 сентября 2007 г. по делу "Мери против Нидерландов" (*Merie v. the Netherlands*), жалоба № 664/05). В первую очередь принимаются во внимание усердие, продемонстрированное властями, задержки по вине заявителя и любые другие факторы, приведшие к задержкам, за которые власти не несут ответственности (см. постановление Суда от 21 декабря 2000 г. по делу "Яблонски против Польши" (*Jablonski v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункты 91-94). Вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное вынесение решения, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела (см. постановление Суда по делу "Ребок против Словении" (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 84, ECHR 2000-XII).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

82. Суд отмечает, что стороны не оспаривали тот факт, что жалоба на постановление о заключении под стражу от 13 сентября 2013 года была подана адвокатом заявителя 19 сентября 2013 года и отправлена по почте 20 сентября 2013 года. Стороны также не оспаривали тот факт, что Приморский краевой суд рассмотрел эту жалобу 7 ноября 2013 года, т.е. через сорок восемь дней после ее подачи.

83. Власти не утверждали, что задержка в рассмотрении жалобы заявителя на постановление о заключении под стражу от 13 сентября 2013 года произошла по вине заявителя, и Суд также не видит указаний, позволяющих сделать такое предположение. Не получив от властей объяснений, оправдывающих эту задержку, Суд считает, что время, которое потребовалось Приморскому краевому суду для рассмотрения жалобы заявителя на вынесенное судом первой инстанции постановление о заключении под стражу, в настоящем деле можно назвать чрезмерным. Это не отвечает требованию "безотлагательности", предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу "Хамракулов против России", пункты 79-81).

84. Таким образом, Суд полагает, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

(б) Предполагаемая невозможность добиться пересмотра вопроса о содержании под стражей

(i) Общие принципы

85. Суд повторяет, что формы судебного пересмотра, отвечающие требованиям пункта 4 статьи 5, могут различаться в разных странах и будут зависеть от рассматриваемого вида лишения свободы. Не исключено, что соблюдение требований пункта 4 статьи 5 может быть обеспечено посредством системы автоматических периодических судебных проверок по вопросу законности заключения под стражу (см. постановление Суда от 12 мая 1992 года по делу "Мегьери против Германии" (*Megyeri v. Germany*), пункт 22, Series A no. 237-A). Однако, длинные интервалы в проведении автоматической периодической проверки могут привести к нарушению требований пункта 4 статьи 5 (см., среди других прецедентов, постановление Суда от 24 сентября 1992 года по делу "Херцегфалви против Австрии" (*Herczegfalvy v. Austria*), пункт 77, Series A № 244). В силу пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в компетентный "суд" для "безотлагательного" решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы "правомерным" в свете новых фактов, возникших уже после принятия первоначального постановления о содержании под стражей (см. постановление Суда от

24 апреля 2008 года по делу "Исмоилов и другие против России" (*Ismoilov and Others*), жалоба № 2947/06, пункт 146). Требования пункта 4 статьи 5 касательно того, что может считаться "разумным" интервалом в контексте периодической судебной проверки, варьируются в разных странах в зависимости от рассматриваемого вида лишения свободы (см. краткое изложение прецедентной практики Суда в контексте заключения под стражу в целях, определенных подпунктами "a", "c", "e" и "f" пункта 1 статьи 5, см. в упоминаемом выше постановлении по делу "Абдулхаков против России", пункты 212-14).

86. Суд отмечает, что не должен пытаться регулировать максимальный период времени между пересмотрами, которые должны автоматически применяться к определенной категории задержанных. Вопрос о том, соответствуют ли интервалы между проверками установленному требованию, должен решаться в свете обстоятельств каждого конкретного дела (см. дело постановление Суда от 21 октября 1986 г. по делу "Санчес-Райсе против Швейцарии" (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*), пункт 55, Series A № 107, постановление Суда по делу "Олдхэм против Соединенного Королевства" (*Oldham v. the United Kingdom*), жалоба № 36273/97, пункт 31, ECHR 2000-X). Суд, в частности, должен проверить, были ли новые относящиеся к делу факторы, которые возникли в промежуток между периодическими пересмотрами, оценены без необоснованной задержки судом, обладающим юрисдикцией для решения вопроса о "правомерности" содержания под стражей в свете новых факторов (см. упоминаемое выше постановление по делу "Абдулхаков против России", пункт 215).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

87. Суд отмечает, что в контексте пересмотра содержания заявителя под стражей власти утверждали, что после применения Судом обеспечительных мер у заявителя появилась возможность подать ходатайство на основании статей 119-122 УПК (см. пункты 37-40 выше) и возможность попросить прокурора освободить его на основании статьи 110 УПК (см. пункт 34 выше). Суд ранее рассматривал аналогичные аргументы и отклонил их, установив, что власти объяснили, каким образом ходатайства, заявляемые на основании статей 119-122 УПК, могли считаться ходатайством об освобождении или о периодической проверке законности содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции через разумные интервалы времени, и что статья 110 УПК не предусматривала четкого механизма подачи ходатайства об отмене или изменении меры пресечения в контексте содержания под стражей в ожидании экстрадиции (см. упоминаемое выше постановление по делу "Кадиржанов и Мамашев против России", пункты 131-32).

88. В любом случае отсутствие у лиц, содержащихся под стражей в ожидании экстрадиции, возбудить производство по проверке законности их содержания под стражей само по себе не противоречит пункту 4 статьи 5 Конвенции, при условии, что периодические судебные проверки законности содержания под стражей проводятся через "разумные интервалы времени" (см. упоминаемое выше постановление по делу "Абдулхаков против России", пункт 210, с дальнейшими ссылками).

89. Суд отмечает, что в ряде предыдущих дел против России он признал, что разбирательство в суде первой инстанции по вопросу о продлении срока содержания под стражей в ожидании экстрадиции является одной из форм периодической проверки судебного характера (см. упоминаемое выше постановление по делу "Кадиржанов и Мамашев против России", пункт 134, с дальнейшими ссылками). Следовательно, в настоящем деле Суд должен определить, проводились ли периодические проверки законности содержания заявителя под стражей через разумные интервалы времени.

90. Суд отмечает, что 13 сентября 2013 года Ленинский районный суд г. Владивостока продлил срок содержания заявителя под стражей на шесть месяцев на том основании, что производство по делу об экстрадиции еще не было завершено. В течение рассматриваемого периода содержания под стражей в деле заявителя об экстрадиции произошло важное изменение. 28 января 2014 года Суд применил промежуточную меру в соответствии с правилом 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), в результате чего, несмотря на то, что 30 января 2014 года постановление о выдаче было оставлено в силе судом последней инстанции, и производство по делу об экстрадиции было завершено, подготовка к исполнению постановления о выдаче была приостановлена на неопределенный период. Суд считает, что это стало новым фактором, который мог повлиять на правомерность и обоснованность длительного содержания заявителя под стражей. Таким образом, в соответствии с пунктом 4 статьи 5 заявитель имел право на судебное разбирательство для оценки нового фактора судом без необоснованной задержки.

91. Суд также отмечает, что спустя чуть более месяца после возникновения этого нового фактора, 7 марта 2014 года заместитель Прокурора Приморского края приказал освободить заявителя в свете обеспечительных мер, принятых Судом в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда (см. пункт 24 выше). Суд считает, что эта немногим превышающая один месяц задержка в оценке нового фактора, который мог повлиять на законность содержания под стражей в деле заявителя, была разумной (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу "Абдулхаков против России", пункт 216, в котором в аналогичной ситуации внутригосударственным органам потребовалось три месяца

для пересмотра содержания заявителя под стражей и для вынесения постановления о его освобождении, и с упоминаемым выше постановлением по делу "Кадиржанов и Мамашев против России", пункты 137-38, в котором этот период тоже составил почти три месяца).

92. Следовательно, Суд считает, что в деле заявителя периодический судебный пересмотр его содержания под стражей проводился через разумные интервалы времени и обеспечил быструю оценку нового фактора, который мог повлиять на законность содержания под стражей.

93. Соответственно, в данном отношении не было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

94. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

"Если Суд устанавливает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность, лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

95. Заявитель не потребовал возмещения ущерба. Соответственно, Суд ничего не присуждает данному пункту.

Б. Расходы и издержки

96. Заявитель потребовал 2 800 евро в качестве возмещения оплаты работы его представителя в Суде (адвокат уделил делу заявителя 28 часов по ставке 100 евро в час).

97. Власти заявили, что, несмотря на то, что затребованная сумма не является явно чрезмерной с точки зрения прецедентного права Суда, она не подтверждается договором об оказании юридических услуг или каким-либо иным документом, определяющим почасовую ставку представителя заявителя, и, следовательно, данное требование должно быть отклонено.

98. Согласно прецедентной практике Суда, заявитель имеет право на возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в какой будет доказано, что они действительно были понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, учитывая имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму в размере 2 800

евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных при разбирательстве в Суде.

В. Проценты за просрочку платежа

99. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

IV. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

100. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее постановление не станет окончательным, пока а) стороны не заявят, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, б) в течение трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит запроса о передаче дела в Большую Палату, или в) коллегия Большой Палаты не отклонит все запросы о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

101. Суд полагает, что указание, данное властям на основании правила 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), должно продолжать действовать вплоть до вступления настоящего постановления в силу или до получения ими дальнейших указаний.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* приемлемой:

- (а) поданную на основании статьи 3 жалобу на то, что заявитель столкнется с угрозой жестокого обращения в случае исполнения постановления о его выдаче Кыргызстану;
 - (б) поданную на основании пункта 4 статьи 5 жалобу на чрезмерную длительность разбирательства по его жалобе на постановление от 13 сентября 2013 г.;
 - (в) поданную на основании пункта 4 статьи 5 жалобу на невозможность для заявителя добиться пересмотра его содержания под стражей в ожидании экстрадиции после 30 января 2014 г.;
- а остальную часть жалобы объявляет неприемлемой;

2. *Постановил*, что если решение о выдаче заявителя Кыргызстану будет приведено в исполнение, то будет допущено нарушение статьи 3 Конвенции;

3. *Постановляет*, что было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду длительности разбирательств по жалобам заявителя на постановление о заключении под стражу от 13 сентября 2013 г.;
4. *Постановил*, что отсутствует нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении невозможности для заявителя добиться пересмотра его содержания под стражей в ожидании экстрадиции после 30 января 2014 г.;
5. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю в счет возмещения расходов и издержек 2 800 (две тысячи восемьсот) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также любые налоги, подлежащие начислению на указанную сумму; данная сумма должна быть перечислена на банковский счет представителя;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;
6. *Решил* продлить срок действия указания, данного властям на основании правила 39 Регламента Суда, о том, что в интересах надлежащего рассмотрения дела желательно не выдавать заявителя до вступления настоящего постановления в силу, либо до получения дальнейших указаний.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 15 октября 2015 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Андраш Шайо
Председатель